Хань Линь был не против.

Чао Гэ хорошо знал его, прекрасно понимал его вкусы, к тому же Хань Линь всегда называл Чао Гэ своим маленьким художником — разве мог домашний интерьер, утвержденный маленьким художником, выглядеть плохо?

В конце концов, Хань Линь остался полностью доволен тем, во что превратился их дом.

Торговый центр находился очень близко к их новому жилому комплексу, пешком туда идти было совсем недолго, но чтобы довезти светильники, они всё же поехали на машине.

Сначала оба отправились на цокольный этаж за товарами повседневного спроса.

– У Мусорщика почти закончился кошачий корм, заодно захватим с собой пару пачек, – сказал Хань Линь.

[Не смей называть его Мусорщиком!] – жестами показал Чао Гэ.

Мусорщиком звали белого кота, которого они подобрали у мусорных баков под окном, поэтому Хань Линь и дал ему такое прозвище. Чао Гэ всегда был крайне недоволен этим именем.

– Хоть у тебя и есть талант к рисованию, в литературе ты мне не ровня, – заявил Хань Линь. – Особенно в том, что касается выбора имен. Мы растим его уже четыре года, но ты так и не смог придумать ни одного имени лучше Мусорщика, так что не вини меня. Это твоя проблема, а не моя.

Чао Гэ от злости едва не скрежетал зубами, но возразить было нечего. Хань Линь вечно умудрялся задеть за живое самыми бесячими словами, совершенно не умея промолчать о том, что и так очевидно.

Хань Линь толкал тележку и со стороны наблюдал, как рассерженный Чао Гэ с недовольным видом перекладывает кошачий корм:

– К тому же, разве в китайском языке нет старой поговорки, что дешевые имена приносят удачу и здоровье? Посмотри на него: с тех пор как он попал в наш дом, он ни разу ничем не заболел. Наверное, всё дело в имени.

Чао Гэ поленился отвечать, сердито закинув в тележку еще и десятилограммовый пакет с кормом.

– Бери меньше, потом не дотащишь, – Хань Линь привалился к тележке, словно ни о чем не заботящийся владелец лавки, и принялся легко и непринужденно командовать парадом.

Маленький раб по имени Чао Гэ с чувством обиды и гнева послушно вернул пакет с кормом обратно на полку.

Они были слишком увлечены разговором и не заметили, как неподалеку за ними наблюдают два мальчика лет одиннадцати-двенадцати.

Один из них, ростом чуть пониже, толкнул локтем стоявшего рядом долговязого приятеля:

– Хань Сяоцзюнь, смотри, не твой ли это старший брат!

Высокий мальчишка вытянул шею, привстал на цыпочках и встревоженно спросил:

– Где?

Хотя он был еще совсем мал, а в чертах лица читалась детская наивность, он был точь-в-точь похож на Хань Линя — сразу видно, что их родили одни отец и мать. Это и был младший брат Хань Линя, Хань Сяоцзюнь.

– Вон там, у кошачьего корма, – ответил низкорослый мальчик.

Наконец заметив брата, Хань Сяоцзюнь тут же забыл о своем раздраженном выражении лица. Опущенные уголки его рта взметнулись вверх, в глазах заискрилось возбуждение, но это сияние тут же мгновенно — в один миг — угасло, стоило ему взглянуть на стоявшего рядом Чао Гэ.

Низкорослый мальчик как раз вовремя заметил:

– Тот парень рядом с твоим братом, наверное, его парень?

Хань Сяоцзюнь стиснул зубы и свирепо уставился на Чао Гэ:

– Какой еще парень к черту, мой брат одинок.

– А? Но ведь ты… – мальчик хотел было что-то сказать, но, заметив гнев на лице Хань Сяоцзюнь, не осмелился продолжить.

– Хм, – тяжело фыркнул Хань Сяоцзюнь. – Мама сказала, этот тип — просто блудный лис, который только и умеет, что охмурять моего брата. Брат сейчас просто одурманен им, но рано или поздно он опомнится.

Приятель замялся, не договорив:

– …Ну ладно.

Подумав немного, он все же добавил:

– Но ведь ты сам говорил в прошлый раз, что они вместе уже семь лет? Раз прошло столько времени, значит, это должно быть…

Настоящая любовь, верно?

– Чего ты понимаешь! – Хань Сяоцзюнь повернулся к нему и сурово бросил: – Мой брат ни за что не полюбит мужчину! Мама сказала, что в будущем он найдет себе красивую девушку, женится и подарит мне маленького румяного племянника.

Мальчик решил больше ничего не говорить.

Хань Сяоцзюнь припал грудью к торговому стеллажу и снова вытянул шею, заглядывая в ту сторону:

– Знаешь что? Я тут придумал один способ, собираюсь их разлучить.

Глаза низкорослого мальчика округлились:

– А? Не надо бы.

– Ты ничего не понимаешь. Знаешь, что означают семь лет? – самодовольно спросил Хань Сяоцзюнь.

Приятель покачал головой.

Хань Сяоцзюнь задрал подбородок:

– Кризис семи лет! Это лучший момент для того, чтобы их развести, я ни за что упущу такую возможность.

Его друг почесал подбородок:

– Все-таки не стоит этого делать. Мне кажется, твой брат разозлится. К тому же мы еще уроки не сделали, а ты опять завалил английский на этой неделе, и учительница велела тебе сегодня трижды переписать все ошибки.

Хань Сяоцзюнь подавился этими словами и от досады рассвирепел:

– Ты мне друг вообще или нет?!

Текстура груди его приятеля гордо выгнулась:

– Конечно, друг!

– Тогда помогаешь ты мне или нет, – заявил Хань Сяоцзюнь. – Обещаю: если поможешь мне их разлучить, я… я на этом экзамене по английскому сто процентов получу сотку! Ну, ладно, девяносто!

Мальчик нерешительно молчал, в его голове шла ожесточенная борьба между понятиями справедливости и верности дружбе.

Увидев его колебания, Хань Сяоцзюнь рассердился:

– Доуцзы, ты еще и думать над этим смеешься так долго!

От этого крика Доуцзы испуганно вздрогнул и, трусливо кивнув, согласился:

– Ладно, помогу. Но ты обязан получить сотку.

Хань Сяоцзюнь замялся. Английский всегда был его слабым местом, он еще ни разу не писал его на проходной балл, а сотня баллов казалась чем-то и вовсе недостижимым.

Но…

Хань Сяоцзюнь скосил глаза на улыбающегося с «хитростью и коварством» Чао Гэ, сжал зубы и кивнул:

– Ладно, условливались!

Он, Хань Сяоцзюнь, если в этом году не разлучит брата с этим мужчиной-лисом, задом наперед свое имя напишет!

Чао Гэ и Хань Линь в это время совершенно не замечали Хань Сяоцзюня неподалеку и ничего не знали о его «плане по разрушению пары». Купив всё необходимое, они поднялись наверх за ночником.

Последующие дни прошли спокойно и ничем не примечательно.

Хань Линь работал врачом-хирургом в отделении торакальной хирургии и почти каждый день крутился как белка в колесе, а когда выпадало дежурство, не мог вернуться домой и ночью.

Но за столько лет Чао Гэ уже давно привык к тому, что большую часть времени Хань Линя нет рядом.

Раз Хань Линь был занят, все хлопоты по переезду легли на плечи Чао Гэ. Каждый день Чао Гэ, подобно маленькому муравью, понемногу перевозил мелкую мебель в новый дом.

Захлопотавшись, они наконец добрались до конца месяца — настало время окончательного переезда.

Чао Гэ нанял мувинговую компанию, которая за двести юаней погрузила всю оставшуюся крупногабаритную мебель в одну машину и перевезла в их новое жилье.

http://bllate.org/book/40407/5128677